

До недавнего времени при изучении законодательства Юстиниана исследователи акцентировали внимание на выявлении преимущественно новых тенденций, разрыва со старыми нормами и традициями. Вполне закономерно, что такой подход обрел несколько преувеличенные размеры. В итоге в политике Юстиниана в области права и социальных отношений стали находить больше новаторского, чем это имело место на самом деле. Перегиб, приведший в нашей историографии к преувеличению феодализированных тенденций в законодательстве Юстиниана¹⁹, естественно, вызвал ответную реакцию.

Более системное изучение всей совокупности законов, посвященных тем или иным правовым нормам и институтам, приводит исследователей к выводу о не столь уж резком разрыве юстиниановского законодательства со старыми античными нормами права. В основе своей оно не отрывалось от них, что особенно остро ставит вопрос о причинах массового включения в Кодекс Юстиниана законов, изданных до IV в. Здесь многое нуждается в дополнительном изучении, но ряд исследователей видят в этом попытку законодателей оживить определенные консервативные социальные традиции²⁰. Монография В. Фосса дает возможность более четко разобраться с постановкой вопроса о традициях и новаторстве в законодательстве²¹.

Законы Кодекса Феодосия и Кодекса Юстиниана написаны по-латыни в соответствии с достаточно едиными нормами права и принципами составления законодательных актов. Все это обеспечивает высокую степень единства основной юридической терминологии, сопоставимости, а следовательно, и более обоснованного изучения эволюции социальных сословий, отношений и институтов²². Итак, ранневизантийское законодательство — бесценный материал для дальнейшего и более углубленного изучения эволюции социальных отношений, динамики социальной структуры общества. Именно поэтому дата, число законов, относящихся к тем или иным социальным сословиям и группам, имеют также известную доказательную значимость.

Но из массы законов до сих пор еще недостаточно четко отделены те из них, которые были продиктованы сугубо временными обстоятельствами²³. При рассмотрении и оценке данных законодательства далеко не всегда в должной мере выделяются принципиальные программные законы, отражавшие общие направления политики государства, издававшиеся по его инициативе, и второстепенные, ситуационные. Мы не вправе забывать о том, что значительная часть законов Кодекса Юстиниана яв-

---

чившаяся ранее тенденция видеть в ней преимущественное стремление подчинить церковь государству и превратить церковную организацию в своеобразный второй эшелон государственной администрации. См.: *Hohlweg A. Bishop and Stadheur im frühen Byzanz // JÖBG. 1977. XX. S. 51—62; Чекалова А. А. Константинополь в IV в. С. 135; Лебедева Г. Е. Социальная структура. . . С. 127.*

¹⁹ *Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. М., 1976. С. 204.*

²⁰ Согласно выводам В. Бакланда и О. Робледы, рабство пронизывало всю систему социальных отношений позднеантичного общества. См.: *Buckland W. W. The Roman Law of Slavery: The Condition of the Slave in Private Law from Augustus to Justinian. Cambridge, 1908 (reprint: L.; N. Y., 1970); Robleda O. Il diritto degli schiavi nell'antica Rome, 1976.* Юридические взгляды того времени еще не были феодальными. См.: *Сюзюмов М. Я. Еще раз о юридических источниках. . . С. 87; см. также: Brassloff St. Socialpolitische Motive in der römischen Bechtsentwicklung. Wien, 1933.*

²¹ *Voss B. Recht und Rhetorik. . .*

²² *Kolloquim «Römische Geschichte»; Ferenzy G. Römische Rechtsgeschichte. . . S. 25—32; Härtel G. Römisches Recht. . . S. 7—25.*

²³ *Лебедева Г. Е. Кодекс Феодосия и Юстиниана об источниках рабства // ВВ. 1973. Т. 35. С. 31—34; Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. К вопросу о характере балканского города IV—V вв. // Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 50; ср.: Велков В. Рабство в Тракия и Мизия през античността. С., 1967. С. 123—127.*